

и не может постигнуть того, что, напр., «одно» и «иное» и тождественны, и различны между собою *в одном и том же отношении* (как одновременно и в разном).

3. Итак, инобытие единицы в аспекте самотождественного различия есть *равенство и неравенство единиц*. Стало быть, слепое множество единиц, возникающее как инобытие единицы в аспекте чистого полагания, получает разную оценку в зависимости от категорий равенства или неравенства, находящих здесь свое приложение. Но единица, взятая сама по себе, не может быть больше или меньше другой единицы. Категории равенства или неравенства относимы только к группам единения. Категории равенства и неравенства требуют, чтобы полученные в результате инобытийного противоположения единицы были объединяемы в разные группы. Иначе, категории равенства или неравенства останутся пустыми и без всякого приложения. Итак, мы принуждены делать из полученного общего, необходимого и слепого множества единиц разные наборы единиц и объединять их в нечто целое.

§ 87. с) **Порядковость.**

1. С другой стороны, это множество единиц получает упорядочение с точки зрения применения категории *подвижного покоя*. Подвижной покой заставляет двигаться по нашим единицам и, останавливаясь в том или другом месте, делать обзор пройденного пути. Это ведь и есть подвижной покой. Но тут возникает одна категория, которую необходимо отметить специально. Это категория *порядковости*. Когда мы говорим «первый», «второй», «третий» и т. д., то явно, что здесь мы находимся в области инобытия. Если я скажу «зеленый», то это может относиться только к тому, что не есть самый зеленый цвет, а только к каким-нибудь *другим* предметам, где этот цвет присутствует. Всякие зеленые предметы *приобщаются* к зеленому цвету, но не суть самый зеленый цвет, не суть сама зеленость. Значит, «первый», «второй» и т. д. не суть бытие (бытие — это единица⁹⁵, двойка и т. д.), но инобытие (инобытие, приявшее на себя значение от бытия).

Но «первый», «второй» не есть просто инобытие единицы и двойки; это особого рода инобытие. Именно, тут предносится идея *следования* [одного] за другим, принцип *постепенного движения*. Если бы не имелась в виду эта идея, то вместо «первый» мы бы говорили

«одинарный», вместо «второго» — «двойной», вместо «третьего» — «тройной» и т. д. Во всех этих заменах мыслится инобытие внутри самого бытия: «двойной» — это такой, который сам по себе есть нечто одно и цельное, но он *состоит из двух* частей. Здесь функция инобытия сведена на различенность внутри самого предмета. И совсем другое дело в случае порядковых числительных. Здесь, во-первых, инобытие дано не внутреннее, а внешнее: единица должна внешне осуществиться на каком-нибудь инородном материале. И так как внешнее инобытие не связано с устойчивой сущностью бытия (как связано инобытие внутреннее) и всегда находится в неустойчивом и становящемся виде, то функция его в данном случае проявляется в аспекте подвижного покоя. «Второй» — это значит не только «иной», «другой», но такой «иной», который *был* «одним», потом *изменился* и *стал* другим и в этом своем новом виде остался в сущности *тем же самым*, что и раньше. Значит, «второй» — тот, который *передвинулся* и, передвинувшись, остановился. Я пересчитываю груши. Когда я сказал «вторая» груша, это значит, что «груша вообще» была положена раз, *потом эта же самая* «груша вообще» положена еще раз. Следовательно, «второе» в каком-то отношении тождественно с «первым». В каком же? Очевидно, в том, что «второе» *так же покоится, как* «первое». С «одного» мы перешли к «иному», но вместо того, чтобы распространяться и растекаться по безбрежному полюю инобытия, мы останавливаемся в каком-нибудь определенном месте иного и предаемся покою. В этом и устанавливается тождество между «одним» и «иным», и «иное» оказывается не просто «иным», но «вторым».

2. а) Нужно отчетливо представлять себе, почему именно категория подвижного покоя в данном случае обуславливает собою появление порядковости. Пусть мы двигались с точки *A* в точку *B*, и с точки *B* в точку *C*, и с точки *C* в точку *D*. Это движение. Но вот начинает действовать категория покоя. Мы останавливаемся на точке *D* и тем кончаем наше движение. Кроме того, и весь путь наш *ABCD* как бы останавливается, мы его как бы фиксируем, задерживаем⁹⁶ и пересматриваем в том или другом, в любом направлении. Получается, что путь *ABCD* есть такой-то и такой-то путь — напр., такая-то кривая или ломаная линия, — что в нем отдельные точки

следуют в таком-то *порядке*, что они расположены таким-то и таким-то образом. Ясно, что идея *порядка* есть в данном случае результат применения категории подвижного покоя. Эта категория фиксирует все особенности пройденного пути и тем утверждает порядок следования особенностей этого пути.

б) Наконец, надо иметь в виду и еще одно свойство этой категории, которое тут проявляется очень заметно. В то время как тождество и различие утверждают разные точки и отдельные области в сфере применения этих категорий, категория подвижного покоя *впервые делает возможным переход от одной такой точки или области в другую точку или область*, впервые делает возможным пересчет всего различного, что в данной структуре установлено. Не будь подвижного покоя, различествующие моменты эйдоса так и остались бы в мертвой взаимно-изолированности, и из ничего не составилось бы целого. Выражаясь несколько грубее, подвижной покой впервые делает возможным существование *признаков* данной структуры, ибо то, из чего состоит данная структура, при условии возможности точного его пересчета и есть не что иное, как *сумма признаков* данной структуры. Поэтому такой признак, или качество, язык обычно обозначает при помощи имени *прилагательного*. Порядковое числительное (которое, конечно, есть вид имени прилагательного) указывает один (и основной) такой признак, содержа под собой в качестве принципа эту категорию подвижного покоя.

3. Итак, порядковость возникает как диалектический результат следующих моментов.

Во-первых, порядковость осуществляется в *инобытии* единицы, потому что «первый» — это значит, что есть какой-то предмет или вещь, которая сама по себе *не* единица, но отражает, воплощает на себе единицу. Однако такие категории, как «одинарный», «двойной» и т. д., тоже предполагают инобытие единицы, двойки, и, значит, общее указание на инобытие слишком широко и недостаточно.

Во-вторых, для получения порядковости необходимо, чтобы инобытие единицы воплотило на себе кроме общего бытия, которое оно на себе воплощает (единица), специально из него категорию *подвижного покоя*. Эта категория создает в инобытии идею *фиксированной*

последовательности, которая, в сущности, и есть первое установление *порядка следования единиц одна за другой*.

Это установление порядковости, в-третьих, в силу особенностей той же категории подвижного покоя (рождать возможность одного или нескольких признаков) превращает порядковость в некую *признаковость*, в некое *свойство*, или *качество*, инобытия, определяемого здесь через участие в единице, двойке и т. д. Поэтому ярче всего порядковость выражается при помощи особых прилагательных, носящих в традиционной грамматике название имен числительных порядковых.

§ 88. Резюме и дедукция натурального ряда.

1. Итак, до сих пор мы получили следующее.

Мы имеем сущность числа — арифметическое число. Сущность числа *полагает* себя — получается единица. Но так как всякое полагание возможно только тогда, когда одновременно возникает и отрицание инобытия, то единица возникла как окруженная необозримым полем алогического безразличного инобытия. Это инобытие не может остаться в виде такой бессильной потенции. Мы начинаем утверждать и его как реальность, т. е. реально воплощать в нем наше бытие, из которого мы тут исходим, — единицу. Однако единица в диалектическом смысле не есть что-нибудь простое. В ней несколько существенных моментов, и прежде всего самый акт полагания, различие и тождество, покой и движение. Все эти моменты единицы, находясь в составе единицы и образуя ее диалектическую структуру, воплощаются в инобытии единицы и тем оформляют его, создают из него новые категории.

Самый акт полагания единицы, воплощаясь в инобытии, дает слепое и неопределенное множество инобытийных единиц. Так как инобытие всегда неопределенно, всегда растекается и всюду необозримо-алогично, то единица, воплощаясь в инобытии, не может дать какую-нибудь одну инобытийную единицу. Так как инобытие безгранично и вечно расплывчато, то оно одну бытийную единицу воплощает безграничное и неопределенное число раз. Так возникает *безграничное и неопределенное множество* — как результат инобытийного воплощения из единицы ее акта полагания.

Кроме акта полагания в единице основную роль играет момент различия и тождества, самотождественного